

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-3-114-127>

Правосознание и юридическая аномия

Липинский Дмитрий Анатольевич¹, Иванов Александр Александрович²

^{1,2}Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия

¹dmitri8@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1870-069X>

²ale_iv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6171-7214>

Аннотация. Статья посвящена проблеме влияния юридической аномии на состояние индивидуального и общественного правового сознания, а также правовой культуры. В условиях транзита, который отечественный политический режим начал претерпевать начиная с середины 80-х годов XX века, правовая культура и правосознание российского общества также находились под постоянным давлением происходящих на уровне государства изменений. Такая «переходная» форма правовой культуры и правосознания могут быть раскрыты через понятие юридической аномии, которые являются взаимозависимыми.

Ключевые слова: правовая культура, правовой идеализм, правовой нигилизм, правосознание, реформирование, юридическая аномия

Для цитирования: Липинский Д. А., Иванов А. А. Правосознание и юридическая аномия // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 3 (67). С. 114–127. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-3-114-127>.

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00176, <https://rscf.ru/project/23-28-00176/>

Original article

Legal awareness and legal anomie

Dmitry A. Lipinsky¹, Alexander A. Ivanov²

^{1,2}Togliatti State University, Togliatti, Russian Federation

¹dmitri8@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1870-069X>

²ale_iv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6171-7214>

Abstract. The article is devoted to the problem of the reverse influence of the state of legal culture on the state of individual and public legal consciousness. In conditions of transit, which the domestic political regime began to undergo since the mid-80s of the 20th century, the legal culture of Russian society was also under constant pressure from changes occurring at the state level. Such a “transitional” form of legal culture can be revealed through the concept of legal anomie.

© Липинский Д. А., Иванов А. А., 2024

Keywords: legal culture, legal idealism, legal nihilism, legal awareness, reformation, legal anomie

For citation: Lipinsky D. A., Ivanov A. A. Legal awareness and legal anomie. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 3 (67), pp. 114–127. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-3-114-127>.

Funding: the study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 23-28-00176, <https://rscf.ru/project/23-28-00176>

Введение

Большие и малые, межэтнические и межконфессиональные, политические, экономические кризисы непрерывно сменяют друг друга в жизни любого общества. Их полное предотвращение невозможно, в связи с чем в юриспруденции должны быть выработаны механизмы, обеспечивающие претворение в жизнь предписаний правовых норм не только в «обычных» условиях, но и в состоянии социального катаклизма, оказывающего разрушительное влияние на правосознание и правовую культуру.

До настоящего времени соответствующие механизмы правотворцы ищут, скорее, интуитивно, а сфера юридического знания ими достаточно часто продолжает рассматриваться не в качестве объективной науки, а через призму своеобразной творческой деятельности. Как результат, революционные изменения, дважды приведшие на протяжении XX века к смене политического и государственного устройства нашего государства, сопровождались значительным ростом правонарушаемости, пренебрежением к правам и свободам человека. С целью преодоления такого состояния каждый раз разрабатывалась новая нормативная база, на основании которой правопорядок и законность в обществе постепенно укреплялись, что связывалось с формированием новой правовой культуры и правосознания, сопровождающимся различными ошибками и социальными кризисами.

Проблема заключается в том, что до настоящего времени в юридической науке не сложилось понимания процессов, которые протекают в сфере правовой культуры и правосознания в условиях кризиса. Вновь принимаемые законы не всегда бывают эффективны даже тогда, когда юридическая техника их составления является совершенной. Четкое осознание данных закономерностей вывело бы прогностическую функцию науки на новый уровень, позволив заранее оценивать эффективность предлагаемых законопроектов с позиции их воздействия на правосознание как отдельного человека, так и общества в целом.

Само понятие правосознания, активно разрабатываемое отечественной юриспруденцией с XIX века, до настоящего времени

характеризуется своей неопределенностью. Оно традиционно рассматривается в качестве одного из элементов общественного сознания в целом. Поэтому правосознание, будучи разновидностью сознания человека, имеет сложности в понимании своей сущности, свойственные последнему.

Проблема первичности или вторичности сознания, являясь фундаментальным вопросом философии, преломляется и на уровне юриспруденции. Здесь она звучит следующим образом — является ли право и правовая культура в совокупности их материальных и нематериальных компонентов первичными по отношению к правосознанию, которое формируется на их основе, или же, напротив, первичным является правосознание, порождающее соответствующий ряд правовых конструкций. Тот или другой ответ на данный вопрос, представляя собой выбор между материалистической или идеалистической позициями, зависит от изначальных взглядов исследователя. Однозначная определенность тут, вероятно, вообще недостижима в связи с наличием двунаправленных процессов влияния между правосознанием и правовой культурой.

Проблема исследования правосознания заключается также в том, что мы не можем работать с ним непосредственно, а изучаем лишь его проявления в деятельности субъекта — в рамках той или иной юридически значимой деятельности. Целенаправленное участие субъекта в разнообразных правоотношениях позволяет делать выводы о наличии у него правосознания вообще, о его видовых особенностях, уровне развития, структурных компонентах и характеристиках, но ответ на вопрос о сущности и природе правосознания, понимаемого в качестве абстрактной юридической категории, такие исследования не дают.

Многими исследователями правосознание рассматривается как отражение юридической действительности в сознании человека и как таковое, имеющее значение, прежде всего, для противодействия правонарушаемости. Первоначально формируясь в рамках правовой культуры, правосознание в последующем само начинает влиять на происходящие в этом обществе

юридические процессы — воздействует на правовую культуру. При этом в качестве проявления правосознания рассматриваются в том числе процессы правотворчества, правосудия и т. д. Отражение правовой действительности в индивидуальном и общественном правовом сознании и обратное влияние правового сознания на формирующуюся юридическую реальность придают правосознанию регулирующую функцию, вызывая к жизни проблему разграничения правосознания и собственно права. С точки зрения психологической школы права, зародившейся в отечественной юриспруденции в XIX веке, правосознание («интуитивное право») в принципе рассматривается как одна из разновидностей права, действующая в обществе.

Развитие теории права приводит к тому, что в качестве деформированных форм правового сознания, кроме таких его традиционных форм, как правовой идеализм и правовой нигилизм, в настоящее время рассматриваются новые, в частности правосознание аномийное.

В качестве аномийного рассматривается как сознание в состоянии безумия (патологическая форма сознания), так и сознание с неустойчивыми моральными принципами, сознание человека, который перестает видеть разницу между добром и злом и утратил критерии их разграничения. То место в психическом мире личности, которое в нормальных условиях должно быть заполнено структурами смыслов, норм и ценностей — как юридических, так и иных, — остается незаполненным. В утратившем логику рациональных императивов поведении начинает господствовать хаос иррациональности [1, с. 61].

Если сознание, рассматриваемое в качестве собирательной категории, развивается и усложняется в результате обычной повседневной деятельности человека, то правовое сознание формируется в результате его юридической деятельности. Дуализм сознания заключается, однако, в том, что оно обозначает не только отражение объективной реальности и отношение человека к ней, но также и сам способ, посредством которого соответствующая реальность проявляется. Определяемое с этих позиций правосознание выступает в качестве явления, первичного для государства и права в принципе. Оно объективируется во внешних формах государства и права, при этом граница между правосознанием и политико-правовой реальностью фактически стирается. Как государство, так и право могут выступать в качестве проявления правовой культуры, но нормы культуры формируются в сознании. В качестве элемента

практической человеческой деятельности право является нам явление материальное, но в качестве выражения правосознания оно носит идеальный характер [2, с. 22]. Соединяет проблематику изучения правосознания и юридической аномии научное творчество французского социолога Э. Дюркгейма, являющегося в значительной степени основоположником рассмотрения обоих изложенных проблем.

О понятии и сущности правосознания

Как писал В. И. Толстых, «категория правосознания подлежит своему исследованию юриспруденцией — в качестве системы взглядов и представлений о праве, психологией — как особое формообразование психики, культурологии — в качестве одного из проявлений социальной культуры, а также истории — в качестве исторически развивающегося явления». В рамках различных дисциплин определяется свой круг разрабатываемых проблем, используются приемы и средства его описания. Так, социально-философский подход к категории правосознания предполагает также и использование своего собственного инструментария, определение соотношения социального бытия и правосознания, условий его порождения (или производства), ядра и структуры, уровней формирования, взаимоотношения с иными формами общественного сознания [3, с. 108].

А. К. Уледовым было отмечено, что поскольку и право, и политика являются продуктом классового деления общества, эти понятия часто смешиваются исследователями. Но если политическое сознание раскрывает отношение человека к политической организации общества, то правовое сознание — отношение к системе права, его юридической организации [4, с. 100].

Под термином «правосознание» в советское время понимались также различные проявления духовной, интеллектуальной, социально-психологической жизни, связанные со сферой права, но не образующие органичной целостности. Оно функционирует через субъективную правовую оценку социальных фактов, соотношение их с идеями законности [5, с. 201].

Общественное правосознание предполагает отражение юридической действительности в коллективном сознании, причем эта действительность воспринимается через призму должного и опосредуется существующими в данном обществе нормами культуры, а также экономическими, политическими, нравственными и иными формами общественного сознания [6, с. 124].

Если рассматривать структуру правосознания, то, как считает, например, В. Н. Жуков, оно содержит три компонента — рациональный, ценностный и эмоциональный. Рациональный компонент традиционно называют в отечественной литературе правовой идеологией, эмоциональный — правовой психологией, ценности в качестве компонента правосознания стали упоминаться только в последнее время [2, с. 31].

Острую необходимость представляет анализ правосознания общества для предотвращения различных правонарушений, например, коррупционного характера, поскольку от сформировавшегося у него правосознания будут зависеть поступки человека, попавшего в ту или иную юридически значимую ситуацию. Показатели правосознания профессионально специфичны (относительно видов деятельности). Усвоение правовых представлений и реализация правосознательного поведения имеют индивидуально-психологическую основу и во многом исходят из личностной предрасположенности сотрудников [7, с. 33].

Отдельным образом необходимо остановиться на соотношении юридической доктрины и правосознания авторитетных юристов — проблеме, которая часто поднимается в современной специальной литературе. Часто отмечается, что юридическую доктрину нельзя отождествлять с правосознанием авторитетных юристов или профессионального юридического сообщества хотя бы потому, что ни доктринальное, ни профессиональное правосознание не способно выполнять функцию консервации юридических традиций, трансляцию базовых правовых понятий и концепций, обеспечивать преемственность всей правовой системы. Ввиду отсутствия необходимой меры объективации и определенности его правового содержания правосознание само по себе не способно заложить фундамент юридической традиции. Одни и те же содержащиеся в правосознании идеи, ценности и представления способны на практике быть преобразованы в совершенно различные варианты поведения.

С другой стороны, в транзитные, постреволюционные периоды истории феномен правосознания может признаваться — формально или фактически — в качестве самостоятельного источника права [8, с. 120], но с юридической доктриной при этом не совпадающего.

С указанной позицией нельзя полностью согласиться, так как оно ограничено в возможности «консервации» юридических понятий. Общественное правосознание характеризуется

определенной инерцией — в противном случае введение или отмена какого бы то ни было юридического запрета мгновенным образом отражалось бы на уровне правонарушаемости, а это, безусловно, не так. Частые изменения законодательства теряют свою эффективность ввиду того, что, не успевая отразиться в правосознании общества, они не выражаются и в конкретных юридических действиях, что, безусловно, обесценивает соответствующую деятельность правотворческих органов.

В качестве объективных проявлений правосознания можно выделить как принимаемые нормативные правовые акты, так и непосредственную правотворческую и правоприменительную деятельность, которая самим фактом своего наличия подтверждает существование общественного правосознания. Именно существование в обществе институтов государства и права подтверждает наличие правосознания эмпирически. Попытка представить правосознание «в себе и для себя» вне таких объективных проявлений лишена практического смысла.

При этом правосознание всегда обладает не только объективной, но также и субъективной составляющей, которая характеризуется менее четким характером, затрудняющим выделение собственно юридических моментов в сознании личности. Так, даже научное правосознание в значительной степени отягощено ценностными, идеологическими и эмоциональными моментами, которые отражаются на характере выдвигаемых соответствующим ученым научных концепций. Общество оценивает юридическую действительность не с точки зрения совершенства принимаемых законов, а преимущественно с точки зрения того материального достатка, которого она позволяет достичь. При этом политики, обладающие более профессиональными знаниями о сущности происходящих в государстве политико-юридических процессов, часто готовы поступиться ими в интересах целесообразности [2, с. 23].

Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом Российской Федерации 28 апреля 2011 года) [9], будучи одним из немногих нормативных актов, употребляющих термин «правосознание», его понятия не раскрывают. Анализ данного документа позволяет прийти к выводу, что правосознание, четко разграничиваясь с правовой грамотностью, упоминается наряду с правовой культурой. Однако это не дает оснований для их четкого разграничения.

Кроме того, «недостаточный уровень правосознания и правовой культуры» приравниваются к правовому нигилизму, а правовая культура и «позитивный тип правосознания» правовому нигилизму, напротив, противопоставляются. Исследование этого документа позволяет заключить, что правовая грамотность формируется в процессе целенаправленного обучения юридическим знаниям, в свою очередь, для формирования правосознания кроме юридического образования требуется также и соответствующее воспитание.

Анализ применения термина «правосознание» в официальном юридическом лексиконе Российской Федерации было решено сделать на основе актов, издаваемых Конституционным Судом Российской Федерации, который является органом, осуществляющим толкование нормативных положений на профессиональной основе.

Поиск на сайте Конституционного Суда Российской Федерации [10] позволяет обнаружить пятьдесят восемь случаев, когда соответствующий орган ссылался на категорию «правосознание» в своих актах. Так, например, в определении от 27 декабря 2023 года [11] именно с необходимостью обладания государственными служащими профессиональным правосознанием, высокими морально-нравственными качествами и законосообразным поведением Суд связал обоснованность различных ограничений и запретов, предусмотренных в законодательстве в отношении сотрудников органов внутренних дел. В определении от 29 сентября 2022 года аналогичная правовая позиция была выражена в отношении необходимости формирования профессионального правосознания уже сотрудников органов принудительного исполнения [12].

В определении от 18 июля 2017 года ограничения были связаны Конституционным Судом Российской Федерации с необходимостью осуществления должного отбора военнослужащих и сотрудников органов государственной охраны [13]. Схоже рассмотрел проблематику правосознания Конституционный Суд Российской Федерации еще в сорока девяти своих определениях.

Ссылка на необходимость наличия профессионального правосознания у государственных служащих является в определенном смысле этого слова «дежурной» и используется Конституционным Судом Российской Федерации при отказе в удовлетворения жалоб граждан на неконституционность законодательства, регулирующего систему запретов и ограничений при

заключении служебного контракта (преимущественно при поступлении на службу в органы внутренних дел).

Из общего ряда выбиваются семь определений Конституционного Суда Российской Федерации, которые были приняты в период с 1996 по 2012 год.

Большой частью они связаны с оспариванием формулировки «социалистическое правосознание», которая в 1990-е годы еще присутствовала в отечественном законодательстве. Так, например, в определении от 22 мая 1996 года Конституционный Суд Российской Федерации отказался рассматривать жалобу гражданина, утверждающего, что при рассмотрении его заявлений суды руководствовались не нормой закона, а социалистическим правосознанием. Как было отмечено Конституционным Судом Российской Федерации, рассмотрение такого вопроса ему не подведомственно [14]. Аналогичным образом был решен Конституционным Судом Российской Федерации вопрос в определении от 17 октября 2001 года. Гражданин оспаривал конституционность положения статьи 232 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях, согласно которому органы и должностные лица при рассмотрении дел об административных правонарушениях оценивают доказательства, руководствуясь социалистическим правосознанием. По мнению заявителя, это положение противоречило сути правового государства и провозглашенным в Конституции Российской Федерации социально-правовым гарантиям личности [15].

В жалобе С. В. Бровченко оспаривалась конституционность части второй статьи 16 и части первой статьи 71 УПК РСФСР, устанавливающих, что при осуществлении судопроизводства, в частности при оценке доказательств, судьи и народные заседатели принимают решения на основе закона, в соответствии с «социалистическим правосознанием». Суд отметил, что «согласно пункту 2 раздела второго «Заключительные и переходные положения» Конституции Российской Федерации законы и другие правовые акты, действовавшие на территории Российской Федерации до вступления в силу Конституции Российской Федерации, применяются в части, ей не противоречащей». Тем самым Конституционный Суд Российской Федерации фактически признал невозможность существования социалистического (и, вероятно, любого иного «политического») правосознания в условиях современной юридической практики. При этом, по мнению суда, заявителем

не доказано, что именно «социалистическим правосознанием» руководствовался суд по делу заявителя [16].

Также и в ходе производства по уголовному делу жалоба в Конституционный Суд была направлена на положение части первой статьи 71 УПК РСФСР о необходимости руководствоваться при оценке доказательств социалистическим правосознанием. Но доводов, которые бы свидетельствовали о применении этого положения в деле заявителя, Конституционный Суд Российской Федерации не усмотрел [17].

Статья 7 Гражданско-процессуального кодекса РСФСР (далее — ГПК РСФСР), устанавливающая такой принцип гражданского судопроизводства, как независимость судей и подчинение их только закону, оспаривалась Л. Н. Мезенцевым на том основании, что содержащееся в ней понятие «социалистическое правосознание» является, с его точки зрения, широким, неопределенным, а потому неконституционным. Однако Федеральным законом от 7 августа 2000 года «О внесении изменений и дополнений в ГПК РСФСР», вступившим в силу 15 августа 2000 года, редакция оспариваемой статьи была изменена и понятие «социалистическое правосознание» исключено из ее содержания. Рассмотрение вопроса о конституционности статьи 7 ГПК РСФСР в прежней редакции лишено оснований [18]. Было отказано и во внесении изменений в текст указанной нормы как сфере действия не суда, а законодателя [19].

Иные аспекты проблематики понимания правосознания были затронуты в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 17 января 2012 года, в рамках которого рассматривалась проблема обеспечения права осужденного и его адвоката на ознакомление с особым мнением судьи [20]. Конституционный Суд Российской Федерации в жалобе отказал, но соответствующему решению сопутствуют сразу четыре особых мнения судей Конституционного Суда. В частности, как указывается Г. А. Гаджиевым, «особое мнение защищает также достоинство судьи, оставшегося в меньшинстве. Он высказывается, руководствуясь своим правосознанием, а не мнением». Было отмечено в числе прочего, что «особое мнение способствует повышению уровня правосознания общества, оно гарантирует справедливое открытое разбирательство дела, способствует общественным дебатам о праве, диалогу между судами разных инстанций, выступающему основным содержанием судебной демократии, привлекает внимание ученых и законодателей

к назревшим проблемам права. Особое мнение судьи — это не жалоба проигравшего, а аргумент возможного победителя в сложном диспуте о развитии права».

Проведенный анализ позволяет прийти к выводу, что основное внимание в своей практике Конституционный Суд Российской Федерации уделяет проблематике становления не доктринального или обыденного, а профессионального правосознания. Отчасти им были затронуты вопросы формирования правосознания сотрудников полиции (посредством ограничений и запретов) и проявления правосознания судей, которое выражается в постановлении ими своего особого мнения.

Этим органом так и не была дана прямая оценка соответствия действующей конституции ранее присутствовавших в законодательстве ссылок на «революционное» или «социалистическое» правосознание. Изменение действующего законодательства лишило этот вопрос практической, но не теоретической актуальности.

Еще в работе 1922 года Г. М. Португалов, рассматривая «взвешивания революционной совести и социалистического правосознания», задавался вопросом: «Не облачают ли эти понятия процессуальную деятельность покровом безмерного ужаса судейского произвола». Исследователь отвечает на него отрицательно. Три основных момента, составляющих социалистическое правосознание, включают: исследование обстоятельств дела, подчинение декретам и выявление внутреннего убеждения суда — его революционной совести [21, с. 26]. Современное законодательство (например, ст. 67 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации [22]) также содержит упоминания о том, что к оценке доказательств судья должен подходить на основании своего внутреннего убеждения. Эта проблема опять же затрагивает вопросы профессионального правосознания.

Можно прийти к выводу, что термин «правосознание» употребляется в официальном юридическом лексиконе, но его использование является эпизодическим и выборочным.

Правосознание в период социальных кризисов

Как уже указывалось ранее, именно степень развитости правосознания определяет совершенство правовой культуры конкретного общества. Однако возможна и обратная зависимость, когда правовая культура в кризисный для социума период не способна выполнять свои функции и утрачивает значение.

В условиях политического и социально-экономического реформирования, которое Российское государство неоднократно претерпевало на протяжении XX века, правовая культура российского общества также находилась под постоянным давлением происходящих на уровне государства изменений. Марксистско-ленинская идеология, развитие которой в значительной степени остановилось к середине столетия, не могла уже предоставить правоведам достаточного инструментария для объяснения сущности происходящих в праве и правосознании изменений, что заставило исследователей обратиться к категориям, разрабатываемым в том числе современной западной социологией, в частности к категории социальной аномии и ее юридической составляющей.

Рассматриваемая как специфическая разновидность социальной аномии, развивающаяся в правовой сфере в условиях кризисного (переходного) периода развития общества, сопряженного с потерей доверия к государственно-правовым институтам, юридическая аномия является негативной (дестабилизирующей) составляющей социально-правовой жизни общества и может быть охарактеризована через дисфункциональность и рассогласованность компонентов правовой системы. Она выражается в отсутствии необходимых в изменившихся условиях правовых норм, в отрицательном отношении к имеющимся правовым нормам в условиях объективно осознаваемой их неэффективности, а также в массовой отклоняющейся правореализационной деятельности [23].

Определяя аномию в качестве «социальной модификации онтологемы хаоса», В. А. Бачинин рассматривает это явление в качестве «переходного кризисно-катастрофического состояния социально-правовой системы». По мнению этого автора, в условиях аномии одни морально-правовые регуляторы уже не действуют, а другие, их сменяющие, еще не начали действовать. Поэтому с точки зрения своих социальных форм аномия проявляется в социальных кризисах и катастрофах, падении нравов и разгуле преступности [1, с. 58].

В настоящее время проблема юридической аномии в отечественной юриспруденции исследована недостаточно, что часто приводит к отождествлению этого понятия с проявлениями правового нигилизма или правового идеализма, юридической безответственностью, существованием в обществе анти- и контркультуры.

При этом категория аномии не относится к числу «модных» современных понятий,

это явление выделялось гуманитарными науками уже достаточно давно, что подтверждает объективный характер соответствующий проблематики. Так, например, дореволюционная российская правовая наука дает нам пример ряда исследований, которые, не обозначая соответствующие процессы в качестве проявления юридической аномии, вместе с тем были посвящены рассмотрению отдельных вопросов, которые в той или иной степени имеют отношение к изучаемому нами явлению.

Так, например, такой видный дореволюционный юрист, как П. И. Новгородцев, в работе «Введение в философию права. Кризис современного правосознания» (1909 г.), писал, что к настоящему времени в обществе отсутствуют идеалы, способные вызвать сильный энтузиазм, а правовое государство уже перестало быть предметом безусловного поклонения. Сложившееся состояние может быть охарактеризовано в качестве «кризиса правосознания», вопрос только приведет данный кризис к полному крушению и отказу от прошлых понятий или к их будущему преобразованию. «Кризис» рассматривается в качестве периода сомнений, неопределенности, он сменяется либо утратой старых верований, либо новым творчеством. Для одних он выступает в качестве повода к отрицанию всякого значения права, другие же видят в кризисе стимул к реформированию и совершенствованию существующих правовых институтов, приведению их в соответствие с потребностями общества [24, с. 45–48].

Не вызывает сомнений, что, описывая наблюдаемый им кризис правосознания, ученый фактически описал и некоторые сопутствующие ему явления юридической аномии. В качестве «интуитивного права», выделяемого в работах ученых психологической школы, мы можем видеть одну из ипостасей того явления, которое в настоящее время обычно называется «правосознанием». Как писал Г. Д. Гурвич, рассуждая об источнике происхождения правовых норм, «фетишизация закона» на практике выглядит бессмысленной. «Интуитивное право» (правосознание) является неотъемлемым элементом правопорядка, придает жизненность, динамизм такому правопорядку, приспособливает его к подвижной действительности. Если же подобная система равновесия между интуитивным и формальным позитивным правом оказывается разрушенной, то происходят революции, представляющие собой временное торжество интуитивного права («революционного правосознания») над правом формальным.

В действительности же революции не имеют никакой иной цели, кроме установления новой системы формального права [25, с. 159–162].

Н. С. Тимашев считает, что «нормальное право по существу полно отсылает к неправовому материалу: к моральным оценкам, к оценкам с точки зрения целесообразности, к оценкам с точки зрения субъективного правосознания». Ибо право погружено в жизнь, будучи по существу двухприродным, относясь и к миру ценностей, и к миру фактов [26].

Вводя категорию «права интуитивного», Л. И. Петражицкий пишет о том, что «законодатель может хозяйничать и распоряжаться в области законодательно-правовой психики лишь в известных пределах и с соблюдением известных осторожностей». Государство вынуждено учитывать правосознание населяющего конкретную территорию населения. Закон, явно носящий коррупциогенный характер, безнравственный или нелепый, не способен успешно урегулировать соответствующие общественные отношения. Даже совершенный закон, успешно применяющийся ранее, с течением времени может по психологическим причинам утратить свой «нормативный авторитет» — без всякой своей официальной отмены. В истории это происходило многократно, например, с жестокими законами, которые уже не приемлет общественное правосознание, претерпевающее процессы своей гуманизации. Перестают применяться и законы, устанавливающие плату в виде определенной денежной суммы, если в связи с процессами инфляции национальной валюты данная сумма представляется обществу несерьезной. Законы утрачивают нередко свою нормативную силу вследствие различных подрывающих эту силу причин, например вследствие того, что они при изменившихся обстоятельствах на новом этапе развития общества начинают представляться безнравственными, нецелесообразными, противоречащим новым религиозным взглядам, продуктами излишнего религиозного фанатизма, продуктами полицейской подозрительности или стремления вмешиваться в то, чего законы не должны касаться [27, с. 510–512].

Иной проблемой является то, что само по себе право не представляет единой системы норм. Сам Дюркгейм крайне мало внимания уделял проблеме наличия отдельных подсистем в рамках системы права: профсоюзного права и права ассоциаций, государственного права, церковного права [25, с. 648–651]. Наличие такой множественности может явиться причиной юридической аномии — множественные

альтернативные нормы, направленные на регулирование того или иного общественного отношения, фактически равнозначны их отсутствию. Л. И. Петражицкий рассматривал гипотезу о возможности существования различных нормативных систем в одном обществе (правовой дуализм), которые выступают в качестве кристаллизации коллективного сознания, ценностей и установок социального поведения.

Кризис права он интерпретировал как конфликт права позитивного и правосознания, что обусловило критику им классического юридического позитивизма и нормативизма, отождествляющих право только с правом официальным, придерживаясь взглядов о наличии множества правовых систем для различных культур и субкультур общества.

Основатель психологической школы права считал, что соотношение права и правосознания позволяет раскрыть природу правового нигилизма — ситуации, когда общество либо отвергает право, либо видит в нем лишь один из инструментов для достижения своих целей. Также эта ситуация может быть связана с враждебностью в отношении официального права, которое рассматривается как навязанное извне и в конечном счете несправедливое правовое регулирование. В переходном государстве главной проблемой является не создание нового права, а решение проблемы его легитимности и преодоление существующего в данном отношении дуализма [27].

Множественность существующих в государстве нормативных систем приводит и к множественности сопутствующих им правовых культур, которые могут одновременно восприниматься одним и тем же человеком и использоваться им в своей повседневной деятельности в зависимости от типа тех отношений, в которых он участвует. В отношении правового сознания некоторых народов говорится о наличии как теоретического пласта общегосударственной культуры, так и традиционной правовой культуры, которая не развивается и требует лишь своего усвоения и повторения [28, с. 62].

В зависимости от ситуации такими субъектами используются их навыки либо в сфере государственной либо в сфере традиционной правовой культуры. Ошибка здесь (например, использование положений традиционной правовой культуры, связанной с обрядом похищения невесты, применительно к отношениям, подпадающим под регулирование семейного и уголовного законодательства) чревата применением в отношении

соответствующего лица института юридической ответственности.

Усвоение субъектом различных правовых культур не может свидетельствовать о наличии у него сразу нескольких правосознаний — правосознание, как и сознание, вообще в нормальных условиях у человека может быть только одно, обратную ситуацию следует рассматривать в качестве психиатрической патологии.

Исходя из позиции, предполагающей наличие несовпадающего множества систем юридических норм, взаимно существующих в одном сложноорганизованном современном обществе, мы должны будем признать, что в подобном социуме всегда будут существовать и отношения аномии. Каждый субъект в определенных ситуациях придерживается одной из существующих в обществе альтернативных систем правовых (социальных) норм и отрицает другие.

Э. Дюркгейм выдвинул, а такие его российские последователи, как Л. И. Петражицкий, Г. Д. Гурвич и П. А. Сорокин, развили представления, в соответствии с которыми между правом и государством отсутствует однозначная связь. Изменчивость общественного правосознания лишает неизменности понятия преступления и наказания, кары и подвига.

Особую остроту конфликт между правом и правосознанием приобретает в условиях радикальных социальных изменений. Такая ситуация, имеющая место во время революционных преобразований общества, обуславливает отход индивида от позитивного права во имя идеи справедливости, что обостряет значение интуитивных психических реакций на нарушение прав. При этом нет никакой гарантии, что новые юридические нормы, сформированные в государстве в результате революционных изменений, будут более эффективными, чем нормы отмененные. Напротив, эти нормы часто являют собой результат закрепления представлений и ожиданий примитивного и традиционалистского массового сознания [29].

П. А. Сорокин писал, что «тормозные религиозно-правовые и моральные рефлексy угасают во время революции не только у революционеров, но и у всего революционного общества. Само собой разумеется, что угасание морально-правовых и религиозных рефлексов, удерживающих от убийства, сопровождается угасанием и религиозно-морально-правового сознания... Всякие *Habeas corpus Acty*, «гарантии неприкосновенности и свободы человека» отменяются» [30, с. 177–186].

Если общественный кризис носит рукотворный характер, то сознание революционной группы уже содержит некоторые основы будущей государственности, но они не должны быть утопичными. Необходимо учитывать, что на уровне обиденного правосознания общество не может приспособиться к юридической реальности, слишком отличающейся от привычного уклада, — попытка навязать такую реальность силой ввергает государство в гражданскую войну. Серьезная стрессовая ситуация, а тем более социальный катаклизм поднимают из глубин сознания именно первичное, самое элементарное, обиденное восприятие государства и права, предавая забвению теоретическое и профессиональное знание. При этом, хотя общественное правосознание постоянно колеблется между своими анархическими и этатистскими формами, в условиях наличия угрозы для самого существования государства этатистское правосознание обычно резко укрепляется [2, с. 27].

При этом каждый из трех компонентов правосознания (рациональный, эмоциональный и ценностный) испытывает давление в условиях социального кризиса и сопутствующего ему состояния юридической аномии. Но даже воздействие на один из компонентов правосознания имеет большое значение, так, например, деятельность средств массовой информации, оказывающая непосредственное воздействие преимущественно на эмоциональную сферу психики человека, тем самым оказывает деструктивное или конструктивное воздействие и на его правосознание в целом.

Это обстоятельство вызывает риски целенаправленного деструктивного воздействия на правосознание населения с целью осуществления враждебной деятельности в отношении соответствующего государства. Примеры этого мы неоднократно наблюдали в процессе так называемых цветных революций.

Особенностью процессов, протекающих в общественном правосознании, в настоящее время является то, что угрозы, существующие в отношении правовой культуры, сегодня носят не только естественный, но и искусственный характер. Явление юридической аномии может как возникать в результате объективного изменения социальной обстановки, возникновения кризисных явлений в жизни государства, так и, возможно, с равным успехом в результате вымышленных изменений, которые воспринимаются субъектом как реальные.

Воздействуя на правосознание, деструктивное информационное влияние разрушает

механизм реализации права. Его опасность заключается в искажении всех компонентов правосознания, приводя в результате к неприятию субъектом самой идеи нормативного регулирования. Конечной целью применения манипуляций является делигитимация существующей власти и существующих правовых норм. Из трех компонентов правового сознания такому воздействию наиболее подвержена его эмоциональная сфера, страдающая в результате организуемых информационных атак, связанных, например, с демонстрацией успешной жизни чиновников-коррупционеров, постоянным упоминанием судебных ошибок и т. д. Особенно значительные угрозы такая деятельность несет, когда ее адресатом является молодое поколение. Некоторыми кумирами молодежи может утверждаться, например, что для достижения жизненных целей нравственно нарушать закон, а нормы права противоречат нормам морали. Это сбивает моральные и правовые ориентиры, убеждает людей, что право не способно осуществлять свои регулятивные и охранительные функции. В результате непрерывных «вбросов» такой информации правовые ориентиры общества имеют склонность к своему размытию [31, с. 7–8].

Еще в конце XIX века Н. М. Коркуновым отмечалось, что залогом сохранения общества в сложной ситуации является наличие у него твердых идеалов, относящихся в том числе к ценностным аспектам правосознания. Данные идеалы должны соответствовать имеющимся социальным условиям. Их образование не является делом сознательным и произвольным, не могут такие идеалы иметь и полностью индивидуальный характер, поскольку их наличие определяется социальной средой. Общественное правосознание складывается прежде индивидуального, для которого часты различные индивидуальные отклонения от общего для всех правосознания [32].

По характеру восприятия политико-правовой реальности выделяются три уровня индивидуального правосознания: психологический, идеологический, научно-теоретический. Психологический уровень — самый поверхностный и одновременно самый распространенный, в определенной степени он свойственен даже научно-доктринальной форме индивидуально-правосознания. Именно от состояния обыденного правосознания зависит как структура преступности, так и направленность действия правоохранительных органов [2, с. 29].

Стоящая перед государством задача может заключаться в максимально широком подъеме

массового правосознания до уровня правосознания профессионального или научно-доктринального. Это позволит обществу более успешно преодолевать социально-политические кризисы, окажет сдерживающее влияние на рост состояния юридической аномии в условиях неопределенности нормативного регулирования, позволит населению рационально оценивать как состояние нормативного регулирования в переходные периоды развития государства и права, так и способы разрешения возникающих в данном отношении проблем.

Заключение

Состояние правосознания непосредственным образом зависит от состояния правовой культуры конкретного общества. Парадоксальная взаимосвязь правосознания и правовой культуры заключается в том, что, развиваясь в процессе взаимодействия с соответствующей правовой культурой, общественное правосознание одновременно выступает ее фундаментом и движущей силой развития. В условиях отсутствия у субъекта индивидуального правосознания носителем никакой правовой культуры он быть не может.

Связь между правосознанием, с одной стороны, и институтами государства и права, с другой, осуществляется посредством правовой культуры — комплексного образования, включающего в свой состав как материальные, так и нематериальные компоненты. Правовая культура определяет юридическую жизнь общества, те правовые подходы, которые применяются гражданами для достижения ими своих жизненных целей.

В условиях резкого изменения социальной обстановки выработанные ранее правовые механизмы уже не способны функционировать с прежней эффективностью. В таких условиях можно утверждать о транзите правовой культуры, который заключается в процессе ее эволюции между двумя относительно стабильными формами, например от советского типа правовой культуры к российскому. Происходящее в государстве и праве реформирование, затрагивающее сферу правовой культуры, не позволяет гражданам использовать свои юридические умения и навыки с прежней эффективностью. Их юридические знания устаревают, а государство не может оперативно предложить соответствующие правовые механизмы для решения возникающих социальных проблем. Такая «переходная» форма правовой культуры, связанная с ее фактическим отсутствием, может быть охарактеризована как аномичная и она всегда

носит временный характер. Структура правосознания включает эмоциональные, рациональные и ценностные компоненты. На каждый из этих компонентов состояние юридической анонимии действует.

Список источников

1. Бачинин В. А. Энциклопедия философии и социологии права. Санкт-Петербург: Пресс, 2006. 1093 с.
2. Жуков В. Н. Правосознание: философский анализ // Государство и право. 2019. № 11. С. 18–31. DOI 10.31857/S013207690007467-5.
3. Толстых В. И. Общественное сознание и его формы. Москва: Политиздат, 1986. 367 с.
4. Уледов А. К. Структура общественного сознания. Москва: Изд-во Мысль, 1968. 324 с.
5. Алексеев С. С. Общая теория права. В 2 т. Т. 1. Москва: Юридическая литература, 1981. 360 с.
6. Спиридонов Л. И. Теория государства и права. Москва: ПБОЮЛ М. А. Захаров, 2001. 304 с.
7. Носс И. Н., Булыгина В. Г., Кабанова Т. Н. Зависимость правосознания от индивидуально-психологических особенностей государственных служащих // Психология и право. 2019. Том 9. № 4. С. 33–48.
8. Михайлов А. М. Юридическая доктрина и правовая идеология. Москва: Юрайт, 2022. 711 с.
9. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан: утв. Президентом Российской Федерации 28 апреля 2011 года № Пр-1168 // Российская газета. 2011. 14 июля.
10. Сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <https://ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 11.05.2024).
11. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Гончаренко Татьяны Сергеевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2023 года № 3374-О/2023. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision730567.pdf> (дата обращения: 11.05.2024).
12. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Худенко Юлии Алексеевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 части 1 статьи 14 и частью 2 статьи 92 Федерального закона «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2022 года № 2247-О/2022. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision730567.pdf> (дата обращения: 11.05.2024).
13. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Кузнецова Юрия Сергеевича на нарушение его конституционных прав подпунктом «в» пункта 2 и пунктом 22 статьи 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», подпунктами 4 и 5 пункта 5 статьи 18 Федерального закона «О государственной охране»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2017 года № 1566-О/2017. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision288684.pdf> (дата обращения: 11.05.2024).
14. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кравчука Анатолия Ильича как не соответствующей требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 мая 1996 года № 61-О/1996. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision40531.pdf> (дата обращения: 11.05.2024).
15. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ушакова Валерия Викторовича на нарушение его конституционных прав статьей 232 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 октября 2001 года № 201-О/2001. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision33839.pdf> (дата обращения: 11.05.2024).
16. Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Бровченко Сергея Васильевича на нарушение его конституционных прав Положением об адвокатуре РСФСР, частью второй статьи 294 Уголовного кодекса Российской Федерации и рядом статей Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2001 года № 101-О/2001. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision33735.pdf> (дата обращения: 11.05.2024).
17. По жалобе гражданина Зеленова Эдуарда Вениаминовича на нарушение его конституционных прав положениями ряда статей Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2000 года № 105-О/2000. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision33321.pdf> (дата обращения: 11.05.2024).
18. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мезенцева Леонида Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 7, 9, 23 и 41 ГПК РСФСР, статьи 15 Закона Российской Федерации «О государственной тайне», статьи 1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», а также определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 7 сентября 1999 года: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2000 года № 208-О/2000. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision31459.pdf> (дата обращения: 11.05.2024).

19. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ушакова Валерия Викторовича на нарушение его конституционных прав статьей 7 ГПК РСФСР: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2000 года № 15-О/2000. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision32146.pdf> (дата обращения: 11.05.2024).

20. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Юдина Юрия Рудольфовича на нарушение его конституционных прав статьями 301 и 312 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 января 2012 года № 174-О-О/2012. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision89079.pdf> (дата обращения: 11.05.2024).

21. Португалов Г. М. Революционная совесть и социалистическое правосознание. Петербург: Государственное издательство, 1922. 64 с.

22. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002 года. № 46, ст. 4532.

23. Малько А. В. Юридическая аномия: понятие и соотношение со схожими категориями // Государство и право. 2024. № 1. С. 7–15.

24. Новгородцев П. И. Избранные труды. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 960 с.

25. Гурвич Г. Д. Философия и социология права: Избранные сочинения. Санкт-Петербург: Издательский Дом Санкт-Петербургского государственного ун-та, Издательство юридического факультета Санкт-Петербургского государственного ун-та, 2004. 848 с.

26. Тимашев Н. С. Сущность права. По поводу новой книги профессора Г. Д. Гурвича // Вестник Русского Юридического Общества «Закон и суд». 1935. № 5. С. 1141–1143; 1935. № 6. С. 1169–1172.

27. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 800 с.

28. Денильханов М.-Э. Х. Шариат и светское право в общественном сознании народов Северного Кавказа. Москва: Издатель Воробьев, 2011. 168 с.

29. Медушевский А. Н. Социология права. Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2015. 813 с.

30. Сорокин П. А. Социология революции. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 552 с.

31. Литвинов В. Е. Манипуляция правовым сознанием // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2014. № 13. С. 7–10.

32. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2010. 520 с.

References

1. Bachinin V. A. Encyclopedia of Philosophy and Sociology of Law. Saint. Petersburg: Press, 2006. 1093 p. (In Russ.)

2. Zhukov V. N. Legal consciousness: philosophical analysis. *State and law*, 2019, no. 11, pp. 18–31. (In Russ.)

3. Tolstykh V. I. Public consciousness and its forms. Moscow: Politizdat Publ., 1986. 367 p. (In Russ.)

4. Uledov A. K. The structure of public consciousness. Moscow: Publishing House of Thought, 1968. 324 p. (In Russ.)

5. Alekseev S. S. General theory of law. In 2 volumes. vol. 1. Moscow: Yurid. lit. Publ., 1981. 360 p. (In Russ.)

6. Spiridonov L. I. Theory of state and law. Moscow: PBOYL M. A. Zakharov Publ., 2001. 304 p. (In Russ.)

7. Noss I. N., Bulygina V. G., Kabanova T. N. Dependence of legal consciousness on the individual psychological characteristics of civil servants. *Psychology and Law*, 2019, vol. 9, no. 4, pp. 33–48. (In Russ.)

8. Mikhailov A. M. Legal doctrine and legal ideology. Moscow: Yurait Publ., 2022. 711 p. (In Russ.)

9. Fundamentals of the state policy of the Russian Federation in the field of development of legal literacy and legal awareness of citizens: approved By the President of the Russian Federation no Pr-1168 on July 28, 2011. *Rossiyskaya Gazeta*, July 14, 2011. (In Russ.)

10. Website of the Constitutional Court of the Russian Federation. URL: <https://ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (accessed 11.05.2024). (In Russ.)

11. On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Goncharenko Tatyana Sergeevna for violation of her constitutional rights by paragraph 7 of Part 3 of Article 82 of the Federal Law “On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”: ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 3374-O/2023dated December 27, 2023. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision730567.pdf> (accessed 11.05.2024). (In Russ.)

12. On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Khudenko Yulia Alekseevna for violation of her constitutional rights by paragraph 2 of Part 1 of Article 14 and part 2 of Article 92 of the Federal Law “On Service in the Enforcement Agencies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”: ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 2247-About/2022dated September 29, 2022 no. 2247-About/2022. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision730567.pdf> (accessed 11.05.2024). (In Russ.)

13. On the refusal to accept for consideration the complaint of Yuri Kuznetsov for violation of his consti-

tutional rights by subparagraph "b" of paragraph 2 and paragraph 22 of Article 51 of the Federal Law "On Military Duty and Military Service", subparagraphs 4 and 5 of paragraph 5 of Article 18 of the Federal Law "On State Protection": ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 1566-O/2017 dated July 18 2017. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision288684.pdf> (accessed 11.05.2024). (In Russ.)

14. On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Anatoly Ilyich Kravchuk as not meeting the requirements of the Federal Constitutional Law "On the Constitutional Court of the Russian Federation": ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 61-O/1996 dated May 22, 1996. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision40531.pdf> (accessed 11.05.2024). (In Russ.)

15. On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Valery Viktorovich Ushakov for violation of his constitutional rights by Article 232 of the RSFSR Code of Administrative Offences: ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 201-O/2001 dated October 17, 2001. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision33839.pdf> (accessed 11.05.2024). (In Russ.)

16. On the refusal to accept for consideration the complaints of citizen Sergey Vasilyevich Brovchenko on violation of his constitutional rights by the Regulation on the Bar of the RSFSR, part two of Article 294 of the Criminal Code of the Russian Federation and a number of articles of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR: ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 101-O/2001 dated April 19, 2001. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision33735.pdf> (accessed 11.05.2024). (In Russ.)

17. According to the complaint of citizen Zelenov Eduard Veniaminovich for violation of his constitutional rights by the provisions of a number of articles of the Criminal Procedure Code of the RSFSR: ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 105-O/2000 dated April 19, 2000. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision33321.pdf> (accessed 11.05.2024). (In Russ.)

18. On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Leonid Nikolaevich Mezentsev for violation of his constitutional rights by the provisions of Articles 7, 9, 23 and 41 of the Civil Procedure Code of the RSFSR, Article 15 of the Law of the Russian Federation "On State Secrets", Article 1 of the Law of the Russian Federation "On the Status of Judges in the Russian Federation", as well as the definition of the Judicial Board for Civil cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 7, 1999: ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 208-O/2000 dated October 26, 2000. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision31459.pdf> (accessed 11.05.2024). (In Russ.)

19. On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Valery Viktorovich Ushakov

for violation of his constitutional rights by Article 7 of the CPC of the RSFSR: ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 15-O/2000 dated February 17, 2000. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision32146.pdf> (accessed 11.05.2024). (In Russ.)

20. On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Yudin Yuri Rudolfovich for violation of his constitutional rights by Articles 301 and 312 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 174-O-O/2012 dated January 17, 2012. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision89079.pdf> (accessed 11.05.2024). (In Russ.)

21. Portugalov G. M. Revolutionary conscience and socialist legal consciousness. Saint Petersburg: State Publishing House, 1922. 64 p. (In Russ.)

22. Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002 no. 138-FZ. *Collection of legislation of the RF*, 2002, no. 46, art. 4532. (In Russ.)

23. Malko A. V. Legal anomie: the concept and correlation with similar categories. *State and Law*, 2024, no. 1, pp. 7–15. (In Russ.)

24. Novgorodtsev P. I. Selected works. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) Publ., 2010. 960 p. (In Russ.)

25. Gurvich G. D. Philosophy and Sociology of Law: Selected works. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, Publishing House of the Faculty of Law of St. Petersburg State University, 2004. 848 p. (In Russ.)

26. Timashev N. S. The essence of law. About the new book by professor G. D. Gurvich. Bulletin of the Russian Law Society "Law and Court". 1935, no. 5, pp. 1141–1143; 1935, no. 6, pp. 1169–1172. (In Russ.)

27. Petrazhitsky L. I. Theory of law and the state in connection with the theory of morality. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2010. 800 p. (In Russ.)

28. Denilkanov M.-E. H. Sharia and secular law in the public consciousness of the peoples of the North Caucasus. Moscow: Publisher Vorobyov, 2011. 168 p. (In Russ.)

29. Medushevsky A. N. Sociology of law. Moscow-Berlin: Direct Media Publ., 2015. 813 p. (In Russ.)

30. Sorokin P. A. Sociology of revolution. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) Publ., 2010. 552 p. (In Russ.)

31. Litvinov V. E. Manipulation of legal consciousness. *State and municipal management in the XXI century: theory, methodology, practice*, 2014, no. 13, pp. 7–10. (In Russ.)

32. Korkunov N. M. Lectures on the general theory of law. Moscow: Russian Political Encyclopedia Publ., 2010. 520 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Д. А. Липинский — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и административного права Тольяттинского государственного университета;

А. А. Иванов — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права Тольяттинского государственного университета.

Information about the authors

D. A. Lipinsky — Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, Tolyatti State University;

A. A. Ivanov — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Tolyatti State University.